

MACIEJ WALCZAK

Силезский университет

maciej.walczak@us.edu.pl

О СЕМАНТИКЕ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ЛЕКСЕМ С КОРНЕМ *ГЛУП*-/*GLUP*- (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ГЛАГОЛОВ И НАРЕЧИЙ)

ON THE SEMANTICS OF THE RUSSIAN AND POLISH LEXEMS
WITH THE *ГЛУП*-/*GLUP*- ROOT (ON THE MATERIAL OF NOUNS,
VERBS AND ADVERBS)

The article presents a part of the research on the Russian and Polish lexical units containing the *глун*-/*glup*- root. The noun, verb and adverb forms have been analysed from the point of view of their meanings and the functional, stylistic and derivational properties. That is why the research material includes the contemporary units such as colloquialisms and lexemes of the restricted usage (archaisms and linguistic variants) which occur in both languages. The lexical units have been selected from the contemporary and historical explanatory and etymological dictionaries as well as from the former and dialectal lexis.

Keywords: root *глун*-/*glup*-, noun, verb, adverb, semantics

1. Введение

Предлагаемая статья представляет собой часть исследований в области русских и польских лексических единиц с корневой морфемой *глун*-/*glup*-. Анализ на материале имён прилагательных, проведённый до этого (Walczak 2021), позволил выявить в обоих языках высокую частотность лексем данного типа как в словарном составе литературного языка, так и в лексике ограниченной сферы употребления, включающей диалектные и устаревшие единицы. Подобная активность и функционально-стилистическая характерность наблюдается и на примере других частей речи – имён существ-

твительных, глаголов и наречий, причём последние по сравнению с остальными активны в значительно меньшей степени. С учётом указанного критерия подача материала и его анализ будут подчинены убывающей частотности выбранных для рассмотрения лексико-грамматических классов.

Отталкиваясь от того, что в поле зрения попадают здесь лексические единицы разной функционально-стилистической принадлежности с целью максимально полного представления затрагиваемой проблематики, исследовательский материал извлекался как из толковых словарей современного русского и польского языков, так из исторических словарей (старопольского, старорусского языков), а также словарей диалектной лексики. Такой подход объясняется и желанием выявить лексемы с их семантикой, характерной для русского и польского в более ранний период их существования, а в современных языках отмечающимися как устаревшие или вышедшие из употребления.

Прежде чем перейти к анализу, стоит обратить внимание на этимологическую характеристику интересующего нас корня, который, восходя к праславянской основе **glupъ* (*jb*), сближается с корнями **gluxъ* ('глухой') и **glumъ* ('шум; забава; шутка'), что, в свою очередь, связано с и.е. **ghleu-* (: **ghlou-*) / **g(e)leu-* ('гнести, жать, сжимать') (см. Черных 2009: 192; Фасмер 1964: 416; Трубачев 1979: 152; Boryś 2008: 165; Długosz-Kurczabowa 2008: 220; Wańkowski 2000: 439; Wojtyła-Świerzowska 1991: 209-220; Sławski 1995: 150-151). В подтверждение данному положению достаточно показать семантическую связь с лексемами с корнем **glumъ*, обнаруживающуюся у некоторых диалектных существительных и глаголов: рус. обл. *глум* 'сумасбродство, блажь, дурь', *глума* 'дураковатый, бестолковый человек', *голову глумить* 'сбивать кого-либо с толку; лишать способности здраво рассуждать' (Филин 1970: 209–212); польск. диал. *glum* 'głupstwo' (Karłowicz 1901: 90) (ср. также рус. диал. *глупая ночь* (от *глупой* 'глухой') 'тёмная, поздняя ночь' (Филин 1970: 212).

Поскольку имена существительные представляют наиболее обширную группу, анализ материала начнём именно с них.

2. Имена существительные

Класс субстантивных единиц образуют следующие современные, диалектные и устаревшие лексемы: рус. *глупак*, *глупашик*, *глупендэй*, *глупеня*, *глупец*, *глупинюшка*, *глупиша*, *глуповатость*, *глупость*, *глупство*, *глупуша*, **глупушки*¹, *глупыня*, *глупыш*₁, **глупыш*₂, *глупышек*, *глупышенок*,

¹ Лексема, отмечаемые знаком «*», не входят, с точки зрения современного словоупотребления, в общее лексико-семантическое поле 'интеллект человека', хотя в нашем

*глупышка, *глупышки, глупяга, глупяк, глупячество, глупячок, глупяш, оглупение, оглупление; польск. głupak, głupal (областное образование²), głupawka, głupczak, głupczyk, głupczyzna, głupczyzna, głupek, głupiątko, głupiec, głupielec, głupiomówność, głupiosztuczność, głupka, głupkowatość, głupol, głupolek, głupłość, głupota, głupotka, głupowatość, głupstewko, głupstwo, głuptactwo, głuptaczek, głuptak, głuptalstwo, głuptas, głuptaś, głuptasek, głuptaska, głuptaszek, głuptaś, głuptawość, głuptula, gupielok, ogłupianie, ogłupienie, półgłupek, przygłup, przygłupiek, wygłup(y).*

В приведённом перечне можно выявить пару почти полностью эквивалентных существительных, как по основному значению, так и по морфемному составу: рус. *глупец* ‘разг. глупый человек; о том, кто сделал или сказал глупость’ (Кузнецов 2000: 210); польск. *głupiec* ‘pogardliwie, obelżywie o człowieku głupim, nieinteligentnym, ograniczonym, naiwnym; dureń’ (Szymczak 1983: 668). Исходя из приведённых толкований можно предположить, что, помимо стилистической маркированности русской лексемы как разговорной, ей присущ в меньшей степени, чем польской, негативно-оценочный и эмоционально заряженный потенциал. Данный коннотативный оттенок в анализируемых единицах передаётся посредством увеличительных суффиксов, а также в процессе обратной деривации, в результате которой производные получают усилительное, увеличительно-пренебрежительное, значение: рус. диал. *глупендйя* (ср. *скупердйя* – очень скупой человек), польск. *głup* (лексема, встречающаяся в составе фразеологического выражения *rznąć głupa*, образование с увеличительным значением от *głupi*), *głupol* (ср. польск. *robol, kibol*), *przygłup* (вероятно, образование от *przygłupi*, по соотношению с *głupi* → *głup*). Менее окрашенными представляются русские диалектные образования со значением носителя признака, названного мотивирующим словом *глупак* (ср. *дурак*), *глупяк*, а также польские диалектизмы *głupczak, głupielec*, общеупотребительное *głupek*, с образованным от него *półgłupiek* ‘człowiek przygłupi, prawie głupiec’ (Doroszewski), в котором посредством морфемы *pół-* передаётся значение неполной проявленности признака, названного мотивирующим словом (ср. рус. *полудурок*, диал. *полуумок*).

Характерной чертой русского языка можно считать наличие довольно большого числа существительных, чаще всего общего рода и по преимуществу с ласкательным и уменьшительно-ласкательным значением ‘глупый человек; дурачок, дурочка’, особенно в диалектном материале (Филин 1970: 212-213): *глупеня, глупинюшка, глупиша, глупышка, глупяга.*

представлении более детальный анализ позволил бы выявить некоторые концептуальные параллели.

² Данная форма была нами зафиксирована в устной речи жителей повета г. Пшеворск (Подкарпатское воеводство).

В общем употреблении лексема *глупышка* предполагает значения: 1. *разг.* ‘недогадливый, несообразительный, простодушный человек’; 2. ‘неразумный, наивный ребёнок (с оттенком ласковой снисходительности)’ (Ефремова 2006: 480).

Разговорная лексема *глупышенок* (снисходительно о ребёнке, ласкательно о человеке) в диалектном своём проявлении обозначает ‘очень молодое, ничего ещё не понимающее животное’ (Даль 1880: 358). Толковые словари польского языка не содержат однозначных данных для выведения семантической параллели между рус. *глупыш(ка)* ‘наивный ребёнок’ и польск. *głuptas(ek)* в аналогичном значении, поскольку в них отражается значение более широкое ‘osoba niezbyt mądra lub naiwna; lekceważąco, z pobłażaniem o kimś nierozgarniętym, naiwnym lub uważanym za takiego’ (WSJP; Bańko 2017: 458; Lubaś 2004: 105; Szymczak 1983: 668). Их семантическую смежность можно увидеть в контекстных употреблениях:

- (1) Postawiła małego na krześle i przytrzymała mu głowę tak, żeby musiał patrzeć jej w oczy. – Gdybyś był głuptasem, powiedziałabym: nie wie, co robi, bo to *głuptasek*. Ale ty jesteś bardzo mądrym chłopcem [...] (NKJP)
- (2) Pierwszy dzień, to dziecko nie wie, czego się tak naprawdę spodziewać i się naiwnie cieszy *głuptasek*;-. Moja miała dokładnie to samo, drugiego dnia było całkiem całkiem, a trzeciego mi z domu nie chciała wyjść [...] (NKJP)

В обоих языках, в свою очередь, нередки лексемы, обозначающие недалёкого человека мужского пола, которым свойствен коннотативный признак ласкательности, ласковой снисходительности либо уменьшительности: рус. общеупотребительное *глупыш*, диалектные *глупашиш*, *глупяш*, *глупышек* (о неразумном, непонятливом ребёнке, ср. перед этим *глупышка*), устаревшее *глупячок* (возможно, от *глупяк*); польск. устаревшие *głupczyzna*, *głuptaczek* (см. далее *głuptak*), *głuptaszek*, современное *głuptas* (‘lekceważąco, z pobłażaniem o kimś nierozgarniętym, naiwnym lub uważanym za takiego’ (Szymczak 1984: 668), *głuptasek*, *głuptaś* (диалектный вариант, нашедший своё отражение также в заглавии сказки *Bajka o Jasiu głuptasiu* (ср. Karłowicz 1901: 91)), диалектные *głupczyk* ‘*głuptasek*’ (Karłowicz 1901: 90) и *gupielok* (Czajkowski, Czajkowska *et al.* 1998: 31), разговорное *głupolek* ‘pieszczotliwie: ktoś, kto jest nierozgarnięty umysłowo, mało inteligentny’ (Lubaś 2004: 102), *głupiątko* ‘z pobłażaniem o kimś głupim; *głuptasek*’ (Doroszewski). Большинство перечисленных единиц относятся, будучи устаревшими – *глупячок*, *głuptaczek*, *głuptaszek*, *głupczyzna*, *głupczyzna* ‘*głupiec*, *głuptas*’ (Zdanowicz, Szyszka *et al.* 1861: 353) либо диалектизмами (*глупашиш*, *глупяш*, *глупышек*; *głupczyk*, *głuptaś*, *gupielok*, *głupal*), к пассивному словарному составу современных русского и польского языков. Подтверждается это корпусными данными: *глупашиш*, *глупяш*, *глупышек* –

0 примеров употребления в корпусе и подкорпусах (НКРЯ), *głupał, głuptaczek, głuptaś, głuptaszek, głupczyzna* – 0 употреблений, *przygłupek* – 1 (НКЖР). По значению, составу морфем и функционально-стилистической характеристике полностью совпадают диалектные единицы рус. *глупак / глупяк* ‘глупый человек; дурак’ (Филин 1970: 212–213) и польск. *głupak* ‘głupiec’ (Karłowicz 1901: 90).

С количественной точки зрения примыкают к ним единицы с отвлечённым значением: рус. *глуповатость, глупость*, диалектные *глупство* и *глупячество*; польск. устар. *głupiotowność* и *głupiosztuczność, głupkowatość*, разг. *głupość, głupota, głupowatość*, устар. *głuptawość*, разг. *głuptalstwo*. Интересно, что в словаре М.С.Б. Линде приводятся русскоязычные аналоги лексем *głupiotowność, głupiotowny* (сохраняем правописание подлинника) – *глупословіе, глупословець* (Linde 1855: 69), в то время как в словаре В.И. Даля, а также *Словаре русского языка XI–XVII веков* единицы эти отсутствуют, и только лексема *глупословие* фиксируется в *Словаре русского языка XVIII века* (Сорокин 1989: 134), при том, что *глупословець* встречается в текстах В.К. Тредиаковского как индивидуально-авторский неологизм либо, по словам Н.И. Андрейчевой, искусственное сложение (Андрейчева 2015).

По значению самыми широкими и самыми активными в языковом отношении являются рус. *глупость, глуповатость* и польск. *głupota*. Данные единицы в общеупотребительном языке обладают следующими значениями: рус. 1. ‘недостаток ума, сообразительности’; 2. ‘глупый поступок; глупые слова, мысли и т.п. // обычно мн. ч. *глупости* – разг. вздор, пустяки’; 3. разг. ‘о глупом положении, состоянии; нелепость’ (Кузнецов 2000: 210); польск. 1. ‘brak wiedzy o życiu, umiejętności jej stosowania, brak rozumu, bystrości; bezmyślność’; 2. zwykle w l. mn., pot. ‘wiadomości mało prawdopodobne, nieprawdziwe; głupstwa, bzdury’ (в диалектном проявлении также *głupota* ‘głupiec’ (Karłowicz 1901: 91)).

Как можно увидеть из сопоставления, польской лексеме *głupota* не свойственно значение ‘о глупом положении, состоянии; нелепость’, а также ‘глупый поступок’³. Последнее присуще польской лексеме *głupstwo* ([...] *głupi postępek*) (Szymczak 1983: 668), предполагающей также: 1. ‘coś, co nie ma sensu, głupie powiedzenie; absurd, nonsens, niedorzeczność’ (ср. рус. *глупости* ‘разг. вздор, пустяки’); 2. ‘sprawa, rzecz niezbyt ważna; bagatelka, błahostka, drobnostka’ (Szymczak 1983: 668). Данным значением обладает и разговорная производная лексема с уменьшительным оттенком *głupstewko*, обозначающая ‘niemądry pogląd, myśl’ (Lubaś 2004: 103). Частичное совпадение с последним из приведённых значений польской лексемы

³ В польской разговорной речи имеется значение ‘niepotrzebne, bezsensowne działanie; błąd’ (Lubaś 2004: 103).

głupstwo обнаруживается у совпадающего с ней по форме русского диалектизма *глупство* ‘незначительное, небольшое количество чего-либо; пустяк, безделица’ (Филин 1970: 213). Несмотря на то, что уменьшительная производная *głupotka* в словарях современного польского языка фиксируется редко (см. Lubaś 2004: 102), корпусные данные позволяют предполагать, что её значение совпадает со вторым значением мотивирующего существительного *głupota* (‘wiadomości mało prawdopodobne, nieprawdziwe [...]’):

- (3) Podstawowym atutem Szkoła.pl nie jest jednak materiał czysto edukacyjny. Najciekawszą częścią są właśnie działy, które większość pedagogów i twórców stron o tematyce szkolnej uznałaby za "wymysły dzieciaków", "głupotki" i tym podobne. (NKJP)

А также и с семантикой лексемы *głupstwo* ‘rzecz niezbyt ważna; bagatelka, błahostka, drobnostka’:

- (4) Wraz z innymi dziećmi najczęściej malował po prostu patykami po ubitej ziemi. Przeważnie takie tam *głupotki* i bazgrołki, przyznaje. (NKJP).

‘coś, co nie ma sensu, głupie powiedzenie; absurd, nonsens, niedorzeczność’:

- (5) Oczywiście na tle chaotycznej fabuły są to już tylko drobne błędy i typowe hollywoodzkie *głupotki*. (NKJP).

Семантически смежными, как представляется, можно считать рус. *глуповатость* и польск. *głupkowatość*, образованные от соответствующих прилагательных (ср. *глуповатый* ‘недостаточно умный; недалёкий; выражающий недостаток ума; свидетельствующий о нём’ (Кузнецов 2000: 210) и *głupkowaty* ‘nierozgarnięty, matołkowaty; głupawy’ (Szymczak 1983: 668)). На периферии современного словоупотребления оказываются лексемы диал. *глупство* – 1. ‘глупость’⁴; 2. ‘небольшое количество [...]’ (Филин 1970: 213), диал. *глупячество* ‘глупое, неразумное поведение’ (Филин 1970: 213); польск. устар. *głupiotowność* ‘mówienie głupstw’, устар. *głupiosztuczność* ‘z głupia frantostwo, gdy ktoś sztucznie głupiego udaje’ (Linde 1855: 69), разг. *głupność* ‘głupota’, устар. *głuptawość* ‘niezdarność do dobrego rozumowania i należytego o rzeczach sądzenia’ (Linde 1855: 69). В русском языке не обнаруживается также однокоренных аналогов польских лексем *głuptactwo* (рус. *имбецильность*) ‘med. średni stopień niedorozwoju umysłowego, imbecyizm’ (Szymczak 1983: 668), разговорно-сленгового *głupawka* ‘nieopanowana, bezmyślna wesołość’ (Bańko 2017: 457). Семантически параллельными, в свою очередь, можно считать польск. *wyglup(y)* в значении ‘czyjeś nieroważne zachowanie’ (Bańko 2017: 1092) и рус. диал. *глупячество* (см. предыдущее толкование). Второе значение польской лексемы *wyglup*

⁴ Лексема встречалась также в древнерусскую эпоху (Бархударов 1977: 38).

‘*posp. osoba robiąca z siebie głupca, zachowująca się niepoważnie, wygłupiająca się; błazen*’ (Szymczak 1989: 799) для русского не характерно.

В сопоставляемых языках находят своё отражение лексемы со значением женскости, нередко с дополнительным ласкательным оттенком (‘глупая женщина; дурочка’), который передаётся с помощью суффиксов рус. *-ын(я), -уш(а)*, польск. *-k(a), -ul(a)*: *глупыня* (устаревшее), *глупуша* (диалектная лексема), *głupka* (диалектное модификационное образование от *głupiek* (Karłowicz 1901: 90)), а также разговорные *głuptula* ‘żartobiliwie, pieszczotliwie: niemądra kobieta’ и *głuptaska* ‘żartobiliwie: niemądra, naiwna kobieta, dziewczyna’ (Lubaś 2004: 106).

В обоих языках прослеживается также явление омонимического распада лексем *глупыш* и *głuptak* (уменьшительный вариант *głupczek*) на значения: 1. ‘северная морская птица семейства буревестников’ (Кузнецов 2000: 210) / ‘sula, duży ptak z rodziny o tej samej nazwie [...]’ (Szymczak 1984: 668); 2. *разг.* ‘неразумный ребёнок; наивный, недогадливый человек’ (Кузнецов 2000: 210) / ‘człowiek upośledzony umysłowo; potocznie o kimś nierozgarniętym, gapowatym’ (Szymczak 1984: 668). В диалектах встречается также омонимическая единица *глупыши* в значении ‘оладьи, блины, пироги и т.п., зажаренные в масле’ (Филин 1970: 213), а также *глупушки, глупышки* ‘колобочки’ (Филин 1970: 213).

В русском и польском языках имеются также однокоренные отглагольные производные: рус. *оглупение, оглупление, поглупение*, польск. *ogłupienie, ogłupianie*. Русская лексема *оглупение* совмещает оба видовых значения производящих глаголов, предполагая: 1. ‘процесс действия по значению глаголов *оглупить* и *оглуплять*’; 2. ‘результат такого действия’ (Ефремова 2006: 426), в то время как в польском фиксируются отдельные производные от глагола *ogłupiać – ogłupianie*, обозначая отвлечённый процесс по значению мотивирующего глагола, и *ogłupieć, ogłupić – ogłupienie* (Doroszewski) как результат действия по названным глаголам. Таким же значением обладает русская производная *оглупение* – по глаголу *оглупеть* ‘стать глупым, поглупеть’ (Кузнецов 2000: 696). Примечательно то, что толковыми словарями русского языка не фиксируется субстантивная производная от глагола *поглупеть – поглупение*, хотя лексема эта находит своё отражение в корпусных ресурсах:

- (6) Тотальное *поглупение*, которое охватывает наши и без того не слишком умные телеканалы в первые мартовские дни, свидетельствует о том, как телевизионщики на самом деле представляют себе интересы и запросы женской аудитории. (НКРЯ)
- (7) Так в эпоху расцвета акмеизма модные поэты читали в литературных салонах свои стихи. На первых порах это *поглупение*, вызывая улыбку, мешало мне дискутировать. (НКРЯ)

Данное производное слово, однако, не следует считать регулярным и свойственным русскому языку, о чём свидетельствуют немногочисленные употребления в корпусе и подкорпусах (НКРЯ): 9 – основной корпус, 3 – газетный; варианта с эпентетическим л *поглупление* не было обнаружено, хотя запрос данного слова в поисковой системе Google выдаёт свыше 400 результатов. Возможно, что данное образование представляет собой следствие аналогии к производной *оглупление* или лексемам со смежной морфемной структурой, напр., *поступление, потопление*.

Необходимо добавить, что анализируемые русские отглагольные существительные не совпадают полностью с польскими аналогами в силу расхождений семантики мотивирующих их глаголов: второе значение русских глаголов *оглупить* и *оглуплять* ‘сознательно извращать, исказить, деляя бессмысленным, нелепым’ (Кузнецов 2000: 696) польским лексемам *ogłupić* и *ogłupiać* не свойственно.

Глаголы в количественном отношении в обоих языках менее представительны, чем имена существительные.

3. Глаголы

В группу вербальных единиц входят следующие: рус. *глупеть*, устар. *глуповать, глупиться*, устар. *глупствовать, оглупить, оглуплять, оглупляться, поглупеть, сглупить, сглуповать*, ст.-рус. *глупати*; польск. *głupieć*, диал. *głupić* и *głupić się*, устар. *głupowacieć, ogłupiać, ogłupić, ogłupieć, (po)wygłupiać się, wygłupić się, zgłupieć*.

Сопоставление перечисленных глаголов позволяет выявить полное сходство у видовых пар *глупеть – оглупеть / поглупеть* и *głupieć – ogłupieć / zgłupieć* по основным значениям, соответственно, рус. ‘становиться глупым – стать глупым’ (Евгеньева 1999: 317), польск. ‘stawać się głupim, tracić zdolność rozumowania, bystrość, rozsądek, orientację; tracić głowę – stać się głupim, stracić zdolność rozumowania, rozsądek’ (Szymczak 1989: 1009). По значению частично сюда примыкает и устаревший глагол *głupowacieć* ‘głupieć, głupim się stawać’ (Zdanowicz, Szyszka, et al. 1861: 353). Польские глаголы, в отличие от русских, обладают также вторичными, характерными для разговорного языка, значениями: *głupieć* ‘przestawać prawidłowo funkcjonować’ (об устройствах, оборудовании) (WSJP); *zgłupieć* ‘stracić orientację, nie potrafić właściwie zareagować, zwykle na skutek zaskoczenia; osłupieć’ (WSJP). Семантическая симметрия обнаруживает себя у глаголов рус. *сглупить* ‘сделать глупость’ (Кузнецов 2000: 1165), *сглуповать* ‘разг.-сниж. сделать, сказать что-л. по глупости’ (Ефремова 2006: 225) и польск. *wygłupić się* ‘zrobić lub powiedzieć coś niemądrego lub nieodpowiedniego w danej sytuacji’ (WSJP). Сходными по значению, несмотря на разные

стилистика-функциональные признаки, оказываются также следующие глаголы: рус. *глупить* ‘разг. делать или говорить глупости’, др.-рус. *глупати* ‘делать глупости’ (Бархударов 1977: 38), диал. *глупиться* ‘делать глупости’ (Филин 1970: 212), устар. *глупствовать* ‘совершать глупые поступки’ (Сорокин 1989: 134), польск. диал. *glupić się*, ‘*glupio postępować*’ (Karłowicz 1901: 90), *wyglupiać się* ‘*pot. robić z siebie głupca, czynić, mówić głupstwa*’ (Szymczak 1989: 799). Второе значение данного глагола ‘*zachowywać się nierówno, baraszkować, figlować, żartować*’, присущее также глаголу совершенного вида *powyglupiać się* с дополнительным фазовым ограничительным значением, для русских однокоренных глаголов не характерно (ср. рус. *дурачиться / подурачиться*).

Ряду польских и русских глаголов – *оглупить, оглуплять, оглупляться; ogłupiać, ogłupić*, диал. *glupić* – свойственно общее значение ‘*делать глупым / czynić głupim*’, что в польском дополнительно осложняется значением ‘*maćić komu w głowie, wprowadzać w błąd; bałamucić, tumanić, mamić; durzyć, zwodzić*’ (Doroszewski; Karłowicz 1901: 91). Второе значение анализируемых русских глаголов, предполагающее ‘*сознательно извращать, искажать, делая бессмысленным, нелепым*’ (Кузнецов 2000: 696), в польском не отмечается.

Наименьшую по численности группу представляют собой наречия.

4. Наречия

К числу адвербиальных образований относятся следующие: рус. *глупо, глупёхонько, глупёшенько, глуповато, глуповатенько, по-глупому, сглупу, сглупа*, ст.-рус. *глупьемъ*; польск. *glupawo, glupie, głupio, głupo, głupiuchno, głupiutko, głupiusieńko, głupiuteńko, głupkowato*.

Семантические отличия по языкам выявляются у наречия *глупо* в его диалектном проявлении, предполагающем значения: 1. ‘грубо, резко’; 2. ‘нехорошо’; 3. ‘нечестно’ (Филин 1970: 212), в польском не встречающиеся. Помимо этого, в современном русском языке наблюдается распад лексем *глупёхонько, глупёшенько, глупо, глуповато* на омонимы с их отнесённостью к разным морфологическим классам – наречиям и предикативам. Последовательное разграничение адвербиальной и предикативной функций у этих слов проводится в словаре Т.Ф. Ефремовой (Ефремова 2006), а также в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой (Евгеньева 1999). Подобное разграничение в польском языке находит своё отражение не всегда (преимущественно в словарях разговорной речи), хотя предикативная функция явно присутствует у польского аналога: (*komuś*) *glupio* в значении ‘*nieprzejemnie, niezręcznie, kłopotliwie, przykro; ktoś czuje*

zakłopotanie; czuje się nieswojo’ (Doroszewski; Lubaś 2004: 99), что наглядно подтверждают данные корпуса:

- (8) Trochę mi *glupio*, byłem rozgoryczony, że tak wyszło, ale to kwestia ogólnopolskich przepisów. (NKJP)
- (9) Kilka lat później, gdy razem spotkali lekarza na ulicy, strasznie mu było *glupio*. (NKJP)
- (10) Nie mogłem się powstrzymać i zwróciłem jej uwagę. Widać było, że zrobiło jej się *glupio*, ale przyzwyczajenie weźmie górę i będzie robiła tak nadal, bo w tym kraju to normalka – mówi. (NKJP)

Необходимо отметить, что предикатив *глупо* таким значением не обладает, предполагая только ‘о том, что противоречит здравому смыслу, свидетельствует о недостатке ума’ (Евгеньева 1999: 317; Ефремова 2006: 479). Разговорное и переносное значение, аналогичное польскому ‘нелепо, неуместно’ (Ефремова 2006: 479), фиксируется у лексемы *глупо* в функции качественного наречия (Ефремова 2006: 479). Сопоставление остальных значений у наречий *глупо*, *по-глупому* и *glupio* выявляет их соответствие: рус. 1. ‘свидетельствуя о недостатке ума; неумно // *перен. разг.* наивно (обычно из-за отсутствия жизненного опыта)’; 2. ‘не отличаясь разумностью (в поступках, поведении, словах)’ (Ефремова 2006: 479); польск. ‘w sposób bezsensowny, świadczący o braku inteligencji, rozsądku; niedorzecznie, niemądre, naiwne’ (Szymczak 1983: 668). Польской единице не свойственно значение, фиксируемое в русском: *перен.* ‘отличаясь неглубоким содержанием’ (Ефремова 2006: 479). В польском языке не существуют также точные эквиваленты русских разговорных наречий *сглупа*, *сглупу* ‘по глупости’, которым соответствуют предложно-падежные конструкции с причинным значением *z głupoty*, *przez głupotę*. Конструкция *z głupia* в составе выражения *z głupia frant* не соответствует русскому *сглупа*, предполагая ‘udając naiwność, nieświadomość’ (Doroszewski).

В польском языке, согласно данным современных толковых словарей, нет соответствия русским наречиям и предикативам *глупѣхонько*, *глупѣшенько*, *глуповатенько* с ласкательным либо усилительным оттенком⁵. Немногочисленные случаи употребления производной лексемы *glupiutko* в значении ‘w sposób świadczący o czyjeś głupocie, wyrażający głupotę, prymitywność’ с усилительно-ироническим оттенком, обнаруженные в корпусе польского языка (NKJP): *glupiutko uśmiechnięte buzie*, *glupiutko-naiwne spojrzenie*, *glupiutko się roześmiać*, свидетельствуют, скорее всего, о её окказиональном характере.

⁵ Семантически параллельными можно считать неактивные уже в современном польском словоупотреблении образования *glupiuchno*, *glupiusieńko*, *glupiućko* ‘bardzo głupio’ (Zdanowicz, Szyszka et al. 1861: 353).

Отличия также обнаруживают себя при сопоставлении рус. *глуповато* и польск. *głupawo*, *głupkowato*, поскольку русская единица фиксируется как уменьшительный дериват к наречию *глупо* в значении ‘свидетельствуя о недостатке ума; неумно // *перен. разг.* наивно (обычно из-за отсутствия жизненного опыта)’ и предикативу *глупо* в значении ‘*перен.* оценочная характеристика чых-л. действий как противоречащих здравому смыслу, свидетельствующих о недостатке ума’. Польские же единицы продолжают семантическую связь с мотивирующими прилагательными *głupawy*, *głupkowaty*, предполагая, соответственно: *głupawo* ‘niebyt mądrze, bezmyślnie, niedorzecznie’ (Szymczak 1983: 667), *głupkowato* ‘przysł. od głupkowaty’ (Szymczak 1983: 668).

Диалектизм *głupo*, устаревшее наречие *głupie* и старорусская форма *глупьемь*, совпадают по значению с современными наречиями *глупо* и *по-глупому* ‘свидетельствуя о недостатке ума, неумно’ и *głupio* ‘w sposób bezsensowny, świadczący o braku inteligencji, rozsądku; niedorzecznie, niemądrze, naiwnie’.

5. Выводы

Сопоставление материала позволило выявить особую активность лексем с корнем *głup-* в польском языке, среди которых наиболее представительны имена существительные, которым, в сравнении с русским, свойствен также и бóльший словообразовательный потенциал, влияющий нередко на разные оттенки окраски, преимущественно уменьшительные, но и усилительные. Обоим языкам свойственно наличие лексем с разговорным, нередко стилистически сниженным, негативно-оценочным и пренебрежительным, сопровождением.

Меньшая частотность лексем с корнем *глуп-* в русском языке, как представляется, может быть обусловлена чисто языковыми особенностями. В сознании и ментальности русскоязычных отсутствие ума, недостаток интеллекта и проявлений подобного состояния, в первую очередь, ассоциируется с лексемой *дурак*, а не *глупец* с однокоренными образованиями. Дурак – это не только лексическая единица, но и символ, включающий сложный комплекс народно-мифологических представлений, одна из типичных единиц русской ментальности, манифестацией чего на лексическом уровне является несравненно бóльшая частотность единиц с корнем *дур-*, чем *глуп-*. В подтверждение этого достаточно привести одни лишь обозначения человека: *дура*, *дурак*, *дурка*, *дурко*, *дуралей*, *дурандай*, *дурундай*, *дурандас*, *дурундас*, *дурандасович*, *дурандыс*, *дуранюшка*, *дурасина*, *дурафья*, *дурачина*, *дурачище*, *дурачок*, *дурашка*, *дурушка*, *дурашман*, *дурбень*, *дурень*, *дурила*, *дурило*, *дурьё*, *дурица*, *дурища*, *дурнушка*,

дурняшка, дуrolом, дуpоxвай, дуpоxват, дуpоxвайка, дуpочка, дуpошлѐп, дуpуша, дуpында, полудуpок, придуpок, придурь и т.п. Данный ряд лексем, несмотря на стилистическую маркированность и ограниченную сферу употребления некоторых из них, доказывает активность подобных образований в структуре русского лексико-семантического поля «интеллект человека».

Литература:

- Bańko, M. (ed.). 2017. *Inny słownik języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Bańkowski, A. 2000. *Etymologiczny słownik języka polskiego*. A. Mrozowska (ed.). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Boryś, W. 2008. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Czajkowski, A., I. Czajkowska et al. (ed.) 1998. *Słownik gwary śląskiej*. Katowice: Columb.
- Długosz-Kurczabowa, K. 2008. *Wielki słownik etymologiczno-historyczny języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Doroszewski, W. (ed.). *Słownik języka polskiego*, <https://sjp.pwn.pl/doroszewski>.
- Karłowicz, J. 1901. *Słownik gwar polskich*. T.2. Kraków: Drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Linde, M.S.B. 1855. *Słownik języka polskiego*. T.II. Lwów: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich.
- Lubaś, W. (ed.). 2004. *Słownik polskich leksemów potocznych*. T.III. Kraków: Lexis. NKJP – *Narodowy Korpus Języka Polskiego*, <http://nkjp.pl>.
- Sławski, F. (ed.). 1995. *Słownik prasłowiański*. T.7. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Szymczak, M. (ed.). 1983-1989. *Słownik języka polskiego*. T.I-III. Warszawa: PWN.
- Walczak, M. 2021. Семантика русских и польских прилагательных с корнем глуп-/głup-. In 3. Куцая (ed.), *Вопросы семантики и стилистики текста: лингвистический дискурс*, 71-87. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Wojtyła-Świerzowska, M. 1991. Dlaczego głuchy nie słyszy? Rozważania o etymologii psł. *gluchь. *Južnoslovenski filolog* XLVII: 209-220.
- WSJP – *Wielki słownik języka polskiego*, <https://www.wsjp.pl>.
- Zdanowicz, A., M.B. Szyszka, J. Filipowicz et al. (eds.). 1861. *Słownik języka polskiego*. Wilno: Maurycy Orgelbrand.
- Андрейчева, Н.И. 2015. В.К. Третьяковский как явление русской культуры XVIII века. *Вестник Московского государственного областного гуманитарного института*. Серия: История, философия, политология, право, № 2-2, доступ в режиме он-лайн https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25359903_18612954.htm (дата обращения: 15.02.2020).

- Бархударов, С.Г. (ed.). 1977. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 4. Москва: Наука.
- Даль, В. 1880. *Толковый словарь живаго великорускаго языка*. Т.1. Санкт-Петербург/Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа.
- Евгеньева, А.П. (ed.). 1999. *Словарь русского языка в 4-х тт.* Москва: Русский язык, Полиграфресурсы.
- Ефремова, Т.Ф. 2006. *Современный толковый словарь русского языка*. Москва: Издательство Астрель.
- Кузнецов, А.С. (ed.). 2000. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*, <https://ruscorpora.ru/new/>.
- Сорокин, Ю.С. (ed.). 1989. *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 5. Ленинград: Наука.
- Трубачев, О. (ed.). 1979. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Т.6. Москва: Наука.
- Фасмер, М. 1964. *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Прогресс.
- Филин, Ф.П. (ed.). 1970. *Словарь русских народных говоров*. Вып. 6. Ленинград: Наука.
- Черных, П.Я. 2009. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Москва: Русский Язык – Медиа.